ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ.

№ 4.

АПРЕЛЬ—1922.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ".
МОСКВА.

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Generated on 2016-04-17 11:24 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

Г(Р. II. Москва.) 566. Отпечатано 7000 экз.

20-я Государственная типография (быв. Кушнерева), Пименовская, 1/16.

Digitized by Google

Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Generated on 2016-04-17 11:25 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. *Д. Рязанов.*—„Р. Оуен и Д. Рикардо" 5
2. *Ф. Энгельс.*—„Отрывок из Ш. Фурье о торговле" 23

3. *К. Дж. Дарвин.*—„Строение атома" 58
4. *А. Тимирязев.*—„Опровергает ли современная электрическая теория материи—материализм" 73
5. *В. В.*—С крестом и богом против материализма 82
6. *В. Невский.*—Нострадамусы XX в. 95
7. *В. Шалянский.*—„Бессмертная пошлость" и „похвала праздности" 101
8. *Ю. Каменев.*—Об эволюции ругани 108

Трибуна.

Р. Вайсберг.—„О задачнике по полит. эконом." 112
Л. Дейч.—„О Г. В. Плеханове и его литературном наследии" 115
Л. Дейч.—„Письмо в редакцию" 116
Д. Рязанов.—„Ответ Л. Г. Дейчу" 117

Библиография.

В. Т.—В. Ратенау. „Новое государство".—*В. Р.*—Акад. Перетц. „Краткий очерк методологии истории русск. лит.—*Б. Пинсон.*—М. Стучка. „Революционная роль права".—*Ш. Двойлайцкий.* „Новое издание коммунистического манифеста".—*Д. Боголепов.*—Проф. Боголепов. „Валютный хаос" и „Бумажные деньги".—О собрании сочинений Н. Ленина.—*В. Р.*—Указатель соц.-дем. литературы. — Библиотека коммуниста 119

Generated on 2016-04-17 11:25 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Оуэн и Рикардо.

Роберт Оуэн, великий утопист и провозвестник нового коммунистического строя, и Давид Рикардо, великий экономист и теоретик капиталистического общества—трудно, кажется, представить себе более противоположные фигуры. И все же, несмотря на то, что они так сильно отличаются друг от друга, несмотря на различие их „конечных целей", их общественных идеалов, не трудно заметить в этих двух современниках целый ряд черт, которые роднят и сближают их меж собой.

Родившись почти одновременно (Оуэн—14 мая 1771 г., Рикардо—19 апреля 1772 г.), они оба в одинаковой степени являются детьми промышленной революции XVIII века. Оба они с ранних лет делаются самостоятельными и смело бросаются в водоворот экономической жизни, оба они, как говорят англичане, self made (самодошлые) люди и оба же дали блестящее доказательство своей „практичности". Оуэн составил себе огромное состояние, являясь одним из самых предприимчивых и энергичных пионеров хлопчато-бумажной промышленности. Рикардо нажил себе еще более колоссальное состояние смелыми и расчетливыми спекуляциями на бирже, где он один из первых понял „требования нового времени". И тот и другой одинаково начинают свою общественную деятельность „практическими предложениями". Оуэн в интересах новой хлопчато-бумажной промышленности, Рикардо—в пользу установления нормального денежного обращения. И оба они в одинаковой степени соединяют самый положительный практицизм с любовью к „теории", и тот, и другой имеют свои любимые „коньки".

Но Рикардо воспитался и провел большую часть своей жизни в биржевом мире, вдали от центров непосредственной эксплуатации, в мире неограниченной свободной конкуренции, и, выступив на арену политической деятельности, он все свое внимание устремляет на разрушение всех пережитков старого строя, в которых он видит главное препятствие для полного развития производительных сил, таящихся в недрах буржуазного общества. Наоборот, Оуэн живет и действует в среде молодой, только что созданной промышленности, почти не знающей никаких средневековых оков, промышленности, в которой тенденции машинного производства совершенно свободно развертывали свое действие, в которой „мертвый инвентарь" вел бесно-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:30 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

щадную борьбу с „живыми машинами" и опустошительные следствия крупной промышленности сказывались особенно ярко и сильно.

Когда они впервые познакомились, Рикардо уже был автором целого ряда памфлетов по вопросам политической экономии и работал над своим главным трудом, а Оуэн опубликовал свои четыре „Опыта об образовании человеческого характера" и приобрел уже громкую известность, как реформатор в области воспитания, творивший чудеса в Ланарке.

На этой почве и произошло между ними сближение. Вопросы воспитания тогда очень сильно занимали кружок утилитаристов, к которому принадлежал Рикардо. Бентам был одним из акционеров Ланарка. Как рассказывает сам Оуэн в своей авто-биографии, он был очень близок и в очень дружеских отношениях с Рикардо, Миллем, Плэсом, хотя коренным образом расходился с ними. В то время, как Оуэн отстаивал необходимость национальной организации воспитания, основанной на всеобщем труде, утилитаристы защищали и в области воспитания принцип свободной и неограниченной конкуренции.

Не менее резко расходились их взгляды и в оценке современного экономического положения. Уже в 1815 г. Оуэн в своих „Замечаниях о влиянии фабричной системы" указал на те вредные последствия, которые вызваны были быстрым превращением Англии в страну крупной промышленности. Чтобы ввести в известные границы жадность фабрикантов, которая заставляет их жертвовать „в угоду любви к накоплению лучшими чувствами человеческой природы", он требует парламентского акта, который установил бы для всех рабочих 12 часовой рабочий день с $1^1/_2$-часовым перерывом, запретил бы труд детей моложе 10 лет и сделал бы обязательным для всех них элементарное образование [1]). Такое требование государственного вмешательства не могло, конечно, встретить сочувствия среди утилитаристов.

Их экономические взгляды нашли свое классическое выражение в „Началах политической экономии„ Рикардо, этой „экономической библии утилитаристов", по выражению их историка, Лесли Стефана „Начала" были написаны в течение 1815 и 1816 г.г., но вышли в свет в марте 1817 г. [2]) В первом издании (это можно сказать и о втором в 1819 г.), они еще вполне соответствуют той характеристике, которая дана была Марксом в „Нищете философии".

[1]) Отстаивая необходимость фабричного законодательства, Оуэн опирался на свой опыт в Ланарке. По справедливому замечанию новейших историков английского фабричного законодательства он „указывал на порядки на своей фабрике, как на прецедент для всеобщего приложения их". Hutchins and Harrison, History of factorylegislation, 1903, с. 21.

[2]) См. Letters of Ricardo to Trower, Oxford, 1899. с. 30.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:30 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

„Задача экономистов, в роде Адама Смита и Рикардо, являющихся историками этой эпохи, состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при отношениях буржуазного производства, возвести эти отношения в законы и категории, и показать, насколько эти законы и категории выгоднее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета является лишь болезнью, сопровождающей всякое рождение, как в природе, так и в промышленности". Рикардо не видит и никакого понятия не имеет еще о том, что капиталистический строй производства имеет двойственный характер, что он порождает новую, только ему свойственную нищету.

Как и Смит, Рикардо едва только упоминает о хлопчато-бумажной промышленности. Основной, образцовой отраслью промышленности для него все еще является шерстяная индустрия, в которой даже в конце 18 столетия преобладала мануфактура: механическая обработка шерсти развивалась на основе и использовании опыта механической обработки хлопка. В графстве Глостер, где Рикардо купил себе в 1814 г. поместье и где находился один из крупных центров старой шерстяной промышленности, машинная индустрия начала развиваться только в двадцатых годах XIX столетия.

Неудивительно, поэтому, что Рикардо, в первых двух изданиях своего главного труда, совершенно обходит вопрос о влиянии введения машин на положение рабочего класса. Всюду, где он его касается, он придерживается еще взгляда, что применение машин в какой нибудь отрасли производства, по скольку оно сберегает труд, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые, в большинстве случаев, вызываются передвижением капитала и труда из одного занятия в другое. Не только землевладельцы и капиталисты выигрывают, но и рабочие.

„Рабочий класс также, думал я тогда, выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что при той же самой денежной заработной плате, рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понизилась бы, так как капиталист мог бы предъявлять спрос на такое же количество труда и употреблять его, как и прежде, хотя он был бы вынужден приложить его к производству нового или, до некоторой степени, отличного товара... А так как мне казалось, что спрос на труд останется неизменным и что заработная плата не понизится, то я думал, что рабочий класс воспользуется в такой же степени, как и другие классы, выгодами всеобщего удешевления товаров, которое явилось бы следствием применения машин" [1]).

[1]) Рикардо, „Начала полит. экономии", перевод Рязанова, стр. 264—5.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:30 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

Другое явление, характерное для периода крупной промышленности—почти регулярная периодичность всемирных кризисов—то же не было еще известно Рикардо. Те кризисы, которые английская промышленность переживала от 1793 до 1815 г.г., он мог объяснить в духе своей теории повышением цен на хлеб вследствие неурожаев, обесценением бумажных денег, обесценением колониальных товаров и т. п. в силу сжатия рынка под влиянием континентальной блокады.

Точно также Рикардо мог найти объяснение и для кризиса, разразившегося после 1815 г. не в сущности самого капиталистического способа производства, а в целом ряде явлений случайного и преходящего характера; частью в неурожае, частью в падении цен на хлеб и переходе от войны к миру. Поэтому, он в своих „Началах" упоминает о кризисах лишь постольку, поскольку ему приходится касаться вопроса о „внезапных переменах в ходе торговли".

А между тем, как раз этот кризис и агитация, которую, в связи с ним, развил самым энергичным образом Оуэн, заставила Рикардо вновь пересмотреть вопрос о значении машин и их влиянии на положение рабочего класса.

II.

Положение рабочих после заключения мира в 1815 г. было действительно ужасно. Заработная плата ткачей местами уменьшилась чуть не в два раза. В 1815 г. налог в пользу бедных составлял 5.418.000 ф. ст., в 1817 г.—5.724.000, а в 1818 г. он достиг рекордной суммы в 7.778.000 ф. ст.

„Вся внутренняя история 1816 г.—говорит очень умеренный английский историк Спенсер Уольполь—представляет почти один только длинный каталог социальных волнений... Труд был вовлечен во всеобщий бунт против условий своего существования". Движение луддитов, систематически разрушавших машины в 1811—1813 г.г., несмотря на новый закон, грозивший смертной казнью за порчу и уничтожение машин, вспыхнуло с новой силой. По всей деревенской Англии опять начал гулять красный петух. В самом Лондоне рабочие устроили несколько бурных демонстраций и сделали попытку даже захватить королевский арсенал.

Великий английский лирик, безвременно погибший, Шелли, беспощадно бичевавший в своих негодующих стихах и беспредельную жадность „беззастенчивых шершней", и рабскую покорность гордых британцев, берегущих, жалко стеня, своих господ, приглашал рабочих „грабить награбленное".

Тот, кто ценой обмана и позора
Богатым стал,—кем загнан был другой,—

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:30 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

Тот может быть ограблен—как мы с вора
Снимаем платье, чтобы он для взора
Предстал в своем бесчестьи и нагой.

Торийское правительство, душой которого был злостный реакционер Аддингтон, ответило усиленными репрессиями и приостановкой Habeas Corpus act-а. Было опять повешено несколько десятков рабочих [1]). Рецепт, говоря словами Байрона, был очень простой:

Ткачи-негодяи готовят восстанье:
О помощи просят пред каждым крыльцом.
Повесить у фабрик их всех в назиданье,
Ошибку исправить и—дело с концом.

Но ограничиться одними только полицейскими мерами правительство все-таки не могло. Палата общин ассигновала 750.000 ф. ст. на организацию общественных работ. Назначена была также новая комиссия для пересмотра закона о бедных.

Но эти меры не могли успокоить „общественное мнение". Имущие классы были сильно встревожены все более нараставшим брожением в массах. Не менее сильным стимулом для возбуждения филантропических чувств служил также рост налога для бедных. И вот, в конце 1816 года, был созван большой митинг под председательством герцога Иоркского для обсуждения мер, которые могли быть приняты в борьбе с безработицей. Выбрана была особая комиссия под председательством архиепископа Кентерберийского. На заседание этой комиссии был приглашен также и Оуэн. Когда он развил свои взгляды на причины безработицы, ему предложено было изложить их в форме особого доклада. но когда он закончил и представил свою работу, то весьма респектабельная и не менее фешенебельная комиссия „ассоциации для вспомоществования промышленности и рабочим беднякам", по словам самого Оуэна, „остолбенела от неожиданности и, казалось, не знала, что ей делать или сказать".

Дело в том, что богатые классы, аристократия и высшее духовенство, горько ошиблись в Оуэне. Они относились к нему очень сочувственно, пока он оставался чем-то в роде укротителя диких зверей, подлой черни, пока он играл роль искусного педагога, нашедшего безошибочное средство разводить покорных и кротких рабочих. Оуэн был для них только филантропом, которому в Ланарке удалось установить вполне патриархальные отношения между предпринимателями и рабочими. К тому же он совершенно не затрагивал политических учреждений и привилегий, под защитой которых так при-

[1]) „Мне все равно жить или умереть. Старых лент из Дерби уже больше нет". В этих словах повешенного луддита ярко отразился характер этого движения.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:31 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

вольно жилось лендлордам, епископам и финансистам. Он совершенно равнодушно относился к демократическим реформам, которые выдвигались радикалами того времени.

Сочувственно относились к Оуэну и некоторые сентиментальные фабриканты, которые из его ланаркского опыта видели, что можно совместить высокую прибыль с более или менее гуманным обращением с рабочими, что нет никакой необходимости подвергать себя ежедневному риску поджога или разгрома фабрики.

Оуэн, вероятно, продолжал бы и дальше пользоваться симпатиями высших классов, его ожидала бы такая же блестящая карьера, как в наше время генерала Бутса, если бы он ограничился, как последний, ролью „мародера на арене социальной борьбы" и занимался бы подбиранием погибших душ, если бы он твердо держался принципа, что нельзя лишать народ религии. Но, как мы сейчас увидим, Оуэн был захвачен логикой своих основных принципов и скоро утратил всякую возможность проповедывать в салонах аристократии.

Чтобы избавиться от Оуэна, комиссия предложила ему передать свои дела в комитет палаты общин для пересмотра законов о бедных. Но Оуэна, после целого ряда проволочек, там отказались не только выслушать, но даже присоединить его доклад к работам комитета.

Оуэну не оставалось теперь ничего больше, как обратиться непосредственно к „общественному мнению". Он опубликовал свой доклад в журнале „Philanthropist", а затем выпустил и отдельным изданием. Но он не ограничился только этим. Он устроил несколько собраний, и отчеты о них, печатаемые в газетах, распространял за свой счет в десятках тысяч экземпляров. Несмотря на всю свою политическую наивность, Оуэн, как хороший коммерсант, прекрасно понимал значение, которое имеет для распространения идеи „шум", производимый вокруг нее, и умел пользоваться орудием рекламы не хуже, чем фабриканты мыла, ваксы и целебных пилюль.

В чем состояли главные черты предложенного им плана? В чем видел Оуэн главную причину свирепствовавшей тогда безработицы?

По мнению Оуэна, главная причина кризиса того времени заключалась в обесценении человеческого труда. Это обесценение вызвано было всеобщим введением машин в европейских и американских фабриках, главным образом в фабриках Англии, где этот переворот был ускорен открытиями Аркрайта и Уатта. Одно открытие следовало за другим, и именно это быстрое развитие промышленности дало Англии средства вести с таким успехом войну против Франции в течение почти четверти столетия. Казалось даже, что война дает новый стимул для развития производительных сил Англии. Когда в 1815 г. был заключен прочный мир, Англия в своих машинах обла-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:31 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

дала колоссальной силой, которую можно оценить в 100.000.000 человеческих рабочих сил. Но в тот же день, когда подписан был мир скончался страшно богатый потребитель, на которого до тех пор работали производители. И вот, когда необходимость заставила сократить производство, оказалось, что механическая сила несравненно дешевле, чем человеческий труд. Машины были оставлены, а рабочих стали увольнять все в больших количествах. Поэтому, человеческий труд можно было получить по цене, которая была несравненно ниже того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни индивидуума. Бороться же с машинами рабочие не имели никакой возможности.

Что же остается делать? Или 1) уменьшить в значительной степени употребление машин; или 2) дать миллионам рабочим умереть голодной смертью; 3) или найти выгодное занятие для бедных и безработных рабочих классов—„машины должны быть подчинены их труду, а не служить для их вытеснения".

Первое немыслимо в силу самих условий современной промышленности, второе—было бы неслыханным актом варварства и тирании. Остается, следовательно, третий выход. Следует устроить так, чтобы не машина порабощала человека, а человек машину.

С этой целью Оуэн предлагает особый план для улучшения положения бедных. Главной задачей его является создание таких условий, при которых молодое поколение приобретало бы хорошие привычки вместо дурных. Детям необходимо дать хорошее воспитание, а взрослым подходящую работу. Эта последняя должна быть так организована, чтобы дать наибольшую выгоду как для отдельных производителей, так и для общества. Люди должны жить при таких условиях, которые об'единяют интересы всех и отстраняют ненужные соблазны. Все производители должны быть соединены в общины, чтобы труд был продуктивен, такая община должна насчитывать ни слишком много, ни слишком мало людей. По расчетам Оуэна, в такой производительной единице должно быть не меньше 500 и не больше 1500 чел.

К своему докладу Оуэн приложил рисунок, изображающий проектируемую колонию. Она представляет собой огромный квадрат зданий, рассчитанных на 1200 человек и окруженных земельной площадью от 1000 до 1500 акров. Внутри каждого квадрата расположен ряд общественных зданий, который делит площадь колоний на два параллелограмма. Это—общая кухня, общая столовая и все приспособления, необходимые для экономического приготовления пищи, затем с левой стороны школа для старших детей, зал для собраний, а наверху библиотека и помещение для взрослых, а с правой—школа для маленьких детей, читальня и молельня. Три стороны главного кор-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:31 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

пуса разделены на отдельные квартиры, в четыре комнаты каждая. В четвертой стороне корпуса находятся дортуары для всех детей старше трех лет. В центре этого крыла расположены квартиры для надзирателей. Кроме того, с одной стороны больница, а с другой—комнаты для приезжих гостей или родственников. В центре двух других крыльев помещаются квартиры надсмотрщиков, врачей, священников, учителей, а в центре четвертого—склады и кладовыя. Два двора, образуемые рядами построек, засажены деревьями и предназначены для игр и гимнастики. Вся колония окружена садами. В известном расстоянии от жилых помещений расположены по обеим сторонам конюшни, скотобойня, прачечная, белильни, сельско-хозяйственные постройки и фабричные здания. Далее тянутся луга и пашни. Как следует настоящему практику, Робер Оуэн составил подробную смету, во что должна обойтись колония на 1200 человек.

1200 акров земли по 30 ф. за акр	36000
Квартиры для 1200 чел.	17000
Три общественных здания внутри колонии	11000
Фабрика, бойня, прачечная	8000
Мебель для 300 квартир по 8 ф.	2400
Оборудование кухни, школы и дортуаров	3000
Сельско-хоз. постройки (мельница и пивоварня)	5000
Устройство садов и дорог	3000
Живой инвентарь, необходимый для обработки земли	4000
Разные расходы	6000
	96000

Таким образом, при затратах в 4 ф. ст. на „голову“, можно было бы безработных поставить в такое положение, при котором они могли бы себя сами прокормить. Лучше всего было бы, по мнению Оуэна, если бы правительство, убедившись в бесполезности всяких паллиативов и в необходимости положить в основу законодательной деятельности the preventive principle (принцип предупреждения), осуществило этот план в национальном масштабе. Тогда был бы положен конец безработице, и подростающему поколению было бы дано хорошее образование. См. Report to the Committee of the Associatin for the relief of the manufacturins and labouring power. Напечатан в приложении к автобиографии Оуэна „The Life of Robert Owen, written by himself London 1858. Vol I Acc. 53—65.

Оуэн, кроме того, напечатал проект своего показания, которое он хотел сделать пред комиссией палаты общин. Неожиданное сопротивление, которое он встретил среди тех, на кого он больше всего надеялся в деле осуществления своего плана, не только не заставило его умерить свой тон, но, наоборот, толкнуло вперед. На втором собрании, имевшем место 21 авг. 1817 г., он заявил, что „бесполезно было

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:32 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

бы устраивать колонии единения и взаимной кооперации" пока существуют религии, сеющие вражду и нетерпимость между людьми.

Конечно, после этой декларации ряды доброжелателей Оуэна из высших классов сильно поредели. И неудивительно! Оуэн выступил с своим обличением всех религий как раз в то время, когда палата общин постановила, по предложению правительства, ассигновать 1000000 ф. ст. на постройку новых церквей, чтобы улучшить религиозное воспитание народа. „Times", который еще в марте поддерживал Оуэна и предоставлял в его распоряжение свои столбцы, сразу отвернулся от него. „Вчера (после декларации Оуэна) над планом Оуэна опустился занавес общественной симпатии, который вряд ли поднимется еще раз. Оуэн обещает людям рай, но всякий здравый ум, воспитанный на догматах христианства, придет в ужас от такого рая".

Поспешили отвернуться от Оуэна и министры, смотревшие на его план, как на любопытный эксперимент, который может отвлечь внимание страны от насущных политических реформ. Поскольку Оуэн относился отрицательно к политическим реформам и не придавал никакого значения изменению податной системы, английские радикалы относились к нему совершенно отрицательно. Недоверие их (Уулер, Гон, Роббет) усиливалось еще тем обстоятельством, что Оуэна оставляли в покое как раз в то время, когда правительство, пользуясь всяким поводом, возбуждало против него процессы.

В 1818 г. Оуэн совершает путешествие на Континент, где он усердно пропагандирует свой план, обращаясь между прочим с особым воззванием сначала ко всем европейским монархам, а после к тем из них, которые с'ехались на конгресс в Аахене. По возвращении в Англию он снова принимается за агитацию. Оуэн все еще не теряет надежду привлечь на свою сторону и аристократию, и рабочих, и правительство.

В апреле 1819 г. в „Star" и в „Examiner" был напечатан его адрес к рабочим классам. „Дайте понять привиллегированным классам и отчетливо заметить, что улучшения, которые вы хотите испробовать, не имеют своей целью нанести какой-либо ущерб им или их потомству, а напротив, что те самые меры, которые исправят в а с, в то же время принесут им существенную выгоду и увеличат их счастье и интеллектуальные наслаждения—и вы сейчас же обеспечите за собой их содействие в деле осуществления ваших предположений". И он напоминает рабочим, что „богатый и бедный, управляющие и управляемые имеют в действительности одни и те же интересы".

Но богатые и управляющие соглашались, что и х интересы в то же время являются интересами рабочих, но не могли понять, что интересы р а б о ч и х в то же время и их интересы. Несмотря на все

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:32 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

усилия, теперь уже очень немногочисленных доброжелателей Оуэна среди высших классов, агитация его оставалась „гласом вопиющего в пустыне".

26 июня 1819 г. устроен был новый митинг под председательством герцога Кентского. Было решено избрать комиссию, которая рассмотрела бы план Оуэна и сделала бы соответственный доклад. Одним из членов этой комиссии был выбран Рикардо.

В 1817 г., в разгар агитации Оуэна, Рикардо путешествовал по Франции, Нидерландам и западной Германии. В письме (от 27 августа 1817 г.) к Троуэру мы находим добродушно—насмешливое указание на беседу с Оуэном, в которой речь якобы шла об устройстве особой колонии для Рикардо и его многочисленного семейства.

„Теперь, когда этот бедный человек покинут всеми и даже издателем Таймса, который таким смешным образом выдвигал его вперед, он будет в состоянии посвятить все свои таланты и весь свой энтузиазм осуществлению такого многообещающего плана". [1])

В 1818 г. Рикардо окончательно разделался с биржей и выступает на арену общественной деятельности. После того как он целый год выполнял обязанности шерифа, он покупает себе место в палате общин, в которой он сразу занял выдающееся положение. В борьбе против недостатков бумажно-денежного обращения, которую он вел весьма энергично в парламенте, а также в борьбе против произвола торийского министерства, проводившего тогда в палате общин знаменитые шесть актов, направленные против всех свобод, Рикардо встречал Оуэна на стороне защитников Английского банка и министерства. Для него это было только новое доказательство, что Оуэн такой же фантазер, как и Содти, который тогда в Quarterly Review (трехмесячное обозрение) громил и проклинал разлагающее влияние крупной промышленности и отрекся от Оуэна только тогда, когда последний высказался публично против всяких религий [2]).

К этому присоединилось и другое обстоятельство. Рост безработицы в промышленных кругах начал замедляться. На митингах в 1819 г. можно было ясно заметить, что речь идет на этот раз гораздо больше о сельско-хозяйственных рабочих, что на первом плане стоял вопрос о кризисе в сельском хозяйстве. Поэтому, когда Рикардо был выбран членом комитета, он сначала отказался, но после уступил настояниям других членов. Почему он так поступил, он объясняет в следующем письме к Троуэру:

„Я вовсе не член комитета для осуществления плана Оуэна. Этот комитет был учрежден только для того, чтобы рассмотреть план Оуэна, а не для того, чтобы одобрить его. Тщетно протестовал я,

[1]) Ricardo's Letters to Trower, с 37.

[2]) Там же, с 47.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:32 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

напрасно указывал, что совершенно не согласен со всеми принципами Оуэна. Мне ответили, что это не возражение, так как я обязан только критически исследовать план Оуэна, а вовсе не одобрять его. Очень неохотно я, в конце концов, согласился и принял участие в первом заседании, на котором я подробно изложил, почему я не могу согласиться с выводами Оуэна. Его план рассматривали главным образом с точки зрения организации дома призрения для бедных или хорошо устроенного рабочего дома, но в этих ограниченных пределах он вызывает непреоборимые возражения. Оуэн сам по себе доброжелательный энтузиаст, охотно готовый принести большие жертвы для осуществления любимой цели... Герцог Кентский, Престой и Оуэн повидиму думают, что для поднятия производства и благосостояния чрезмерно увеличенного населения нужна только земля. А так как землю мы имеем, то ее можно сделать более производительной, и поэтому нечего бояться избыточного населения. Может ли какой нибудь рассудительный человек верить, вместе с Оуэном, что проектируемое им общество будет процветать и производить больше чем производило бы равное количество людей, если стимулом их явится не личный интерес, а благо общества? Разве опыт веков не говорит решительно против него? Оуэн в состоянии противопоставить этому опыту один или два плохо засвидетельствованных случая обществ, процветавших на основе общности имуществ, но в которых люди находились под сильным влиянием религиозного фанатизма“ [1]).

Комитет высказался за план Оуэна, но внес в него изменение в том смысле, что в основу проектируемых колоний должно было лечь сельское хозяйство. Несмотря на это, новая попытка кончилась опять неудачей. Подписка шла очень вяло, а так как с 1 декабря 1819 г. собрано было всего 8000 ф. ст. из тех 100000, которые нужны были для организации дела, то комитет сложил с себя свои полномочия. Тогда Вилльям Креспиньи, один из членов палаты общин, симпатизировавший Оуэну, внес в парламент новое предложение (16 декабря 1819 г.) назначить особую комиссию „для рассмотрения плана Оуэна об улучшении положения низших классов“. В связи с этим предложением в палате общин возникли горячие дебаты, в которых деятельное участие принял и Рикардо [2]).

Прения открылись речью Креспиньи. Он с самого начала подчеркнул, что вопрос, выдвигаемый им, является скорее вопросом филантропическим, а не политическим. Вмешательство государства является необходимостью. Всеобщая нужда необходимо вызывает всеобщее недовольство, а всеобщее недовольство часто приводит к революции. План Оуэна дает лучшую гарантию против этой возможности. Все,

[1]) Там же, с 79—80.

[2]) Hansarh, Parrliamentary Debates, Third Series voc XLI с 1189—1126.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:32 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

чего хотят защитники и сторонники этого плана—это только, чтобы план Оуэна был испробован на деле. В последние годы машины в значительной степени вытеснили человеческий труд. Их нужно превратить в слуг человека. Когда Адам Смит писал свой труд о „Богатстве народов", его велекой целью было увеличение богатства этой страны. Теперь план Оуэна ставит себе целью координацию производства и потребления, а вместе с этим реорганизацию и нравственное возрождение низших классов.

Ванзиттарт, канцлер казначейства, высказался самым резким образом против „траты государственных средств на осуществление плана, изложенного публике в речи, в которой все религии объявлены ложными". Знаменитый филантроп и поборник освобождения негров, Вильберфорс, отрицавший закономерность эксплуатации рабского труда, но отстаивавший эксплуатацию наемного труда „свободных британцев", выступил против безбожника Оуэна с ярой защитой христианской религии, как главной основы величия Англии и ее нравственного прогресса.

Совсем иначе построена была речь Рикардо. Он заявляет себя решительным противником системы Оуэна, потому что она покоится на теории, несовместимой с принципами политической экономии. Но он не может согласиться с Оуеном и потому, что тот неверно определяет причины бедственного положения рабочих масс. Введение машин не есть главная причина безработицы. В более осторожной форме, чем в первых изданиях „Начала политической экономии" и в „Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала" [1]), Рикардо так излагает свой взгляд на влияние машин.

„В общем нельзя отрицать, что применение машин уменьшает спрос на труд. Они не увеличивают также потребление сельско-хозяйственных продуктов или мануфактурных изделий. Они могут, конечно, быть неудачно применены и вызвать перепроизводство хлопчатобумажных или шерстяных изделий, но как только производство этих предметов—вследствие изготовления их в слишком большом количестве—перестанет оплачиваться, фабрикант посвятит свое время и свой капитал другой отрасли производства".

Рикардо категорически высказывается против предложения Оуэна, который в силу практических соображений рекомендовал обходиться при обработке земли без лошадей и плугов.

Главная причина бедствий, переживаемых страной, заключается по мнению Рикардо, в тех препятствиях, которые ставятся росту производительных сил, накоплению капитала. Именно это обстоятельство вызывает несоответствие между заработной платой и населени-

[1]) „Машины—никто в этом больше не сомневается—вызывают определенно повышение реальной заработной платы труда". Ricardo's Works London 1888, cc 387.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:33 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

ем. Необходимо, поэтому, устранить все факторы, влияющие на понижение прибыли. Это, во-первых, хлебные законы, вследствие которых цена такого предмета первой необходимости, как хлеб, в Англии несравненно выше, чем в других странах. Во-вторых, нужно снять оковы наложенные на торговлю и промышленность, запрещение ввоза иностранных товаров. Втретьих, нужно отказаться от системы государственных займов и кончить с огромным государственным долгом. Средство, которое для этого предлагает Рикардо—его „любимый конек"—состоит в обложении имущих классов соответствующим налогом и погашении долга по курсу дня. Несмотря, однако на коренное расхождение с Оуэном, Рикардо просит палату, оставляя, конечно, в стороне „деление всей страны на параллелограммы или установление коммунизма", назначить особую комиссию для беспристрастного исследования плана Оуэна.

Вместе с Рикардо в этом же заседании выступал против Оуэна не менее категорически лорд Брум, в котором с легкой руки Маркса [1]) привыкли видеть одного из лучших ценителей автора „Начал политической экономии". Но, несмотря, на весь свой „радикализм", этот виг, как и вся его партия, тогда, с неменьшим негодованием относился и к плану Рикардо и к его борьбе против хлебных законов. Когда речь шла о ренте, тории и виги забывали о всяких разногласиях. Оуэн был для них менее страшен, чем Рикардо: первый просил в сущности только подачку на бедных, второй создал весь теоритический арсенал для борьбы против хлебных законов, против высоких цен на хлеб, следовательно в первую голову покушался на доход ландлордов [2]). А доход был, по выражению Байрона, тем золотым тельцом, которому одинаково поклонялись и виги, и тории.

Нет: к черту все! Устройте лишь доход!
Их счастье, свет, их вера, цель всех забот,
Их жизнь и смерть—доход, доход, доход!

Хотя Креспиньи в своем заключительном слове опять подчеркнул, что Оуэн весьма благонадежный человек, что он решительный

[1]) „Хотя и стесненный буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономию, которая совершенно иначе выглядит в своих глубинах, чем она кажется по поверхности, с такой теоретической остротой, что лорд Брум мог сказать о нем": кажется, что Рикардо свалился с другой планеты". Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, 1859, с 39.

[2]) Если кто нибудь считал Рикардо гениальным экономистом, то во всяком случае не лорд Брум, этот многописавший и многоболтавший „лев" оппозиции 20 годов. Полемизируя против взглядов Рикардо несколько позже, в заседании палаты общин 30 мая 1820 г., он заметил, что Рикардо „аргументирует, точно он свалился с другой планеты" иными словами, чересчур далек от земной действительности. (Hansard New series Vol 1 с 635). В своей биографии Рикардо, Брум нарочно подчеркивает, что не считает его выдающимся экономистом. (Brougham Historical sketches in London 1839, с 172—191.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:33 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

противник парламентской реформы, предложение было провалено 141 голосом против 16. Рикардо, конечно, голосовал с меньшинством. Историк английской радикальной партии Гаррис называет это голосование „первой постановкой вопроса о социализме в порядке дня современного европейского законодательного собрания“ [1]).

Так же неудачно окончились и все другие попытки Оуэна и его друзей заставить парламент путем петиций рассмотреть его план. „Правда, вежливо, но они отказывались сделать это“—замечает Оуэн меланхолически в своей автобиографии. [2])

IV.

Мы не будем здесь рассматривать подробно парламентскую деятельность Рикардо, хотя только она бросает свет на тот поворот в его взглядах, который намечается после выхода в свет второго издания его книги (в 1812) и нашел себе отчетливое выражение в третьем и последнем издании его труда [3]).

Вопрос о значении машин в производстве сосредоточивает на себе главное внимание Рикардо. То перераспределение между „мертвыми машинами“ и „живым инвентарем“, на которое так настойчиво указывал Оуэн, заставляет его пересмотреть вопрос об отношении между основным и оборотным капиталом и его влиянии на распределение „продукта страны“ между тремя классами.—А вместе с этим все резче выявляется его расхождение с теми учениками, которые хотели быть большими Рикардианцами, чем сам Рикардо.

В письме к Мак Коллоху (4 декабря 1820 г.) мы находим замечание, которое показывает, с каким интересом он следил за переворотом, совершавшимся тогда в шерстяной промышленности. „Фабриканты уверяли меня, что заработная плата их рабочих едва изменяется. Когда дела идут плохо, они не могут найти постоянное занятие для своих рабочих, но они выплачивают ту же самую плату и дают всем одинаково работу, хотя только в течение $^3/_4$ или $^1/_2$ рабочего дня. Но в действительности это является понижением заработной платы“ [4]).

К этому времени взгляды Рикардо уже на столько изменились, что он считал долгом сформулировать свои новые выводы в особой

---

[1]) Harris, History of the radical party in Parliament, London 1885, с 141.

[2]) The life of Robert Owen Vol I с 237.

[3]) Парламентская деятельность Рикардо исследована английским экономистом Каннапом в „Economic jlurnao (Ricardo in Parliament), но это только первый опыт, далеко неисчерпывающий тему. В распоряжении Каннапа не были еще письма Рикардо к Мак Коллоку и Троуэру, без которых трудно понять эволюцию его взглядов. Лучший биограф Рикардо американский экономист Голлендер, совершенно обходит вопрос об отношениях Рикардо и Оуэна, а также о причинах эволюции его взглядов.

[4]) Ricardo's Letters to Mc Culloch, с 88.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:33 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

главе „О машинах“ в третьем издании „Начал“ (вышло в свет в апреле 1821 г.). Это была первая брешь в стройном здании классической политической экономии.

Рикардо теперь признает без всяких обиняков, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочего.

Этот тезис являлся не только разрывом с теорией перенаселения Мальтуса, он был также несовместим со всем миросозерцанием английских утилитаристов. Говоря словами Маркса, это было признание, что „характер тех отношений производства, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единообразием и простотой, что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета“.

Неудивительно, что бедный Мак Коллох точно с девятого неба свалился при виде такой „измены“ своего учителя. Он сейчас же написал ему, „что он погубил всю книгу этой главой“, что он нанес серьезный вред науке, как своими взглядами, так и способом, каким он указал на изменение этих взглядов.

В своем ответе Рикардо пишет:

„Я вовсе не утверждал, что если бы всемогущая власть дала нам готовые паровые машины, которые могли бы работать без содействия человеческого труда, то такой подарок был бы убыточен для какого нибудь класса. Как раз наоборот. Но я сказал, что фабрикант обладающий оборотным капиталом, может дать занятие большому числу людей. Если ему выгодно заменить этот оборотный капитал основным капиталом такой же стоимости, то это неизбежно повлечет за собою увольнение части рабочих, так как основной капитал не может дать занятие всему труду, который он должен заменить. Признаюсь, что эта истина кажется мне столь же верной, как и любая геометрическая теорема, и я просто поражен, что я так долго не замечал ее. [1])

А в другом письме к тому же Мак Коллоху Рикардо критикует теорию гармонии интересов: „Вы пишете: интересы отдельных индивидуумов никогда (Sic!) не стоят в противоречии с интересами общества; я не согласен с этим положением. В вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто. То же самое наблюдаем мы и в отношениях между землевладельцами.

[1]) Ricardo Letters to Malthus, c 184.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:34 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

Затем я оспариваю, что мы в состоянии найти занятие для всех рабочих, которые вытесняются машиной" [1]).

Вместе с констатированием этого противоречия капиталистического общества Рикардо начинает все яснее понимать и специфические отличия капитализма. Так он выбрасывает из третьего издания своего труда целый ряд примеров, в которых первобытные охотники и рыболовы фигурируют в качестве современных капиталистов, которые, по словам Маркса, для вычисления стоимости своих орудий труда пользуются процентными таблицами, бывшими в ходу на лондонской бирже в 1817 г. [2]).

В очень любопытном письме к Мальтусу 10 октября 1820 года он делает следующее интересное замечание: „если бы какой нибудь высший гений имел под своим контролем распределение капитала данной страны, то он был бы в состоянии в течение короткого времени, опять привести в движение всю промышленность. Люди ошибаются в производстве, в спросе нет никогда недостатка". [3])

Изменив свои взгляды, Рикардо старается проводить их теперь и в ученом мире и в парламенте. В 1821 г. основан был клуб экономистов (Political Economy Club), в который входили все представители новой школы политической экономии. Рикардо возбуждает там несколько раз интересующий его вопрос, но, пишет он, „меня не могло удовлетворить общее мнение об этом спорном вопросе". И Мак Коллох, и Джемс Милль не могли согласиться с его новым взглядом. А ему приходилось вести борьбу не только с утилитаризмом, но и более радикальными представителями политической оппозиции. Так 30 мая 1823 г. при обсуждении петиции ручных ткачей из Стокпорта, он полемизирует с Коббетом и снова подчеркивает, что расширяющаяся утилизация машин имеет для рабочих вредные последствия [4]).

На ряду с борьбой против хлебных законов Рикардо принимает все более деятельное участие в обсуждении всяких предложений и запросов, касающихся рабочего класса и отстаивает свободу собраний, совести и печати для народных масс. И если он, верный своим основным принципам, делает те ошибки, то иногда это вызывается влиянием Оуэна. Когда 17 июня 1822 г. обсуждалась петиция, требовавшая закона против truch system (выплаты заработной платы

---

[1]) Letters to Mc Culloch, c 136.

[2]) Marx, Zur Kritik. '39. Маркс, повидимому, не заметил этих изменений в третьем издании.

[3]) Ricardo's Letters to Malthus, c 174. Как раз в этих словах Рикардо Брентано находил „предчувствие" социал-демократической программы! А затем еще утверждение, что „все выгоды от развития производительности труда достаются не рабочему, а только капиталисту, которое выставлено в первые не Родбертусом и Марксом, а уже Рикардо.

[4]) Hansard, Newseries, Vol IX cc 601—2.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:34 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

товарами) Рикардо высказался против, ссылаясь на опыт Оуэна в Ланарке, где „Оуэн продавал рабочим из своих лавок самые доброкачественные товары по более дешевым ценам, чем их могли бы покупать сами рабочие. [1])

И чем более Рикардо в его парламентской деятельности убеждался, как, говоря его словами, трудно, „быть понятым теми, которые ничего не понимают, или имеют закоренелые предрассудки, которых они упрямо придерживаются", чем чаще он сам встречал обвинение в утопизме и фантазерстве со стороны даже очень радикальных оппозиционеров, тем мягче и теплее становятся его отзывы об Оуэне.

В одной из своих лучших парламентских речей, которую он произнес в защиту Ричарда Карлейля [2]), издателя „Республиканца", Рикардо доказывает—против Вильберфорса, типичного представителя английского религиозного ханжества,—что отрицание религии вполне совместимо со служением обществу и дает следующую апологию Оуэна:

„Вот, например, Оуэн из Ланарка. Он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в будущую жизнь. Кто станет утверждать, видя разительное доказательство противного, что религиозный скептицизм сделал Оуэна менее нравственным? Неужели человек, претендующий на честность и прямоту, может сказать, что у Оуэна, посвятившего всю свою жизнь заботам о других, была бы более чистая душа и искреннее сердце, что Оуэн больше сознавал бы необходимость нравственных ограничений и нравственного контроля, если бы он был больше проникнут предписаниями религии" [3]).

Можно себе представить, как шокировала эта речь Рикардо в защиту республиканца и безбожника Карлейля всех защитников религии и трона!

Последний раз Рикардо и Оуэн столкнулись в заседании комитета палаты общин, назначенного 21 июня 1823 г., для исследования положения рабочих классов в Ирландии. 24 июня Рикардо пишет Троуэру: „Среди других схем мы с большим вниманием выслушали план Оуэна, который уверяет нас, что если мы дадим ему 8.000.000 ф. ст., то он сделает Ирландию навсегда счастливой страной".

Через два месяца 11 сентября 1823 г. Рикардо был застигнут

---

[1]) Hansard, VII, с 1123.

[2]) Его не надо смешивать с Томасом Карлейлем. Сын сапожника и сам рабочий, он бесстрашно вел борьбу со всяким произволом, печатал нелегально и распространял революционную литературу. В 1819 г. он начал издавать „Republican" и сейчас же попал в тюрьму, в которой просидел шесть лет, не прекращая однако своей работы. За оскорбление религиозных чувств, он провел еще три года в тюрьме. Умер в 1843 году.

[3]) Hansard, New Series Vol IX с 1386. Заседание палаты общин 1 июля 1823.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:55 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google

преждевременной смертью. Он умер в разгар интенсивной умственной работы, занятый пересмотром своих основных взглядов. Кроме вопроса о влиянии машин, его, в последние годы жизни, сильно интересовал вопрос о мериле стоимости, который еще в 1820 г. был выдвинут Оуэном под совершенно новым углом зрения.

Следы этой работы, в результате которой Рикардо все больше расходился с своими правоверными учениками, сохранились только в его переписке и парламентских речах. Он не успел изложить свои новые взгляды в систематической форме, но его агитация, как в клубе экономистов, так и в парламенте, несомненно произвела сильное впечатление и глубоко повлияла на более молодых экономистов, из которых образовалась после школа так наз. рикардианских социалистов. Главный труд Вильяма Томпсона, на которого Рикардо имел не меньше влияния, чем Оуэн, вышел в 1824 г.

К этому же времени совершается поворот и в жизни Оуэна. Его предложение бороться с Ирландской нищетой, при помощи коммунистических колоний, было отвергнуто.

В январе 1824 г. он расходится со своим главным компаньоном по Ланарку, Алленом и, потеряв всякую надежду осуществить свой план в Англии, он уезжает в Америку, чтобы, по возвращению от туда, превратиться из филантропа в коммуниста.

Уже в 1820 г. Оуэн сделал попытку обратить теорию стоимости Рикардо против капиталистического общества. Его „доклад совету графства Ланарк о плане для устранения общественных бедствий" кладет начало огромной литературе памфлетов, которая в 20-х и 30-х годах XIX-го столетия старалась истолковать, в интересах пролетариата и против буржуазии, теорию стоимости и прибыли Рикардо. Весь „Оуэновский коммунизм, поскольку он выступает с экономическими аргументами, опирается на Рикардо".

Мак Коллох не напрасно предупреждал своего учителя. Рикардо сам нанес удар системе капиталистической экономии. Оставалось сделать только дальнейшие выводы.

Изгнанный из салонов официального общества Оуэн, ставший коммунистом, нашел убежище в рядах рабочего класса.

Сильно скомпрометированная теми выводами, которые сделаны были защитниками рабочего класса из теории Рикардо, она в свою очередь была изгнана из салонов официальной науки, чтобы найти свое дальнейшее развитие и завершение в трудах теоретиков пролетариата Маркса и Энгельса. И эти теоретики, многому научились также и в школе Оуэнизма.

Д. Рязанов.

* * * * * *

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Generated on 2016-04-17 11:56 GMT / http://hdl.handle.net/2027/uc1.b2920653
Public Domain in the United States, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-us-google